

Известия - 1999 - № 82 - с. 11

Зорро по имени Домогоаров

Разговор в антракте

Одно время Александр Домогоаров оспаривал у Владимира Машкова слегка оскорбительный титул «русского секс-символа». Машкова перестали так величать, когда стало ясно, что он превратился в большого актера и подающего немалые надежды режиссера, — нечто подобное произошло и с Домогоаровым. К «Нижинскому...» Андрея Житинкина можно относиться по-разному, но заглавная роль стала бенефисом и удачей Александра Домогоарова: после нее артист перешел в другое профессиональное качество. Его имя еще не слишком раскручено, он не успел как следует заявить о себе в газетных и телеинтервью, да и наше знакомство с актером будет беглым — мы говорим в антракте, за гримировальным столиком. Через двадцать минут продолжится спектакль, и наш собеседник, актер Александр Домогоаров, превратится в гениального и безумного «клоуна Божьего», великого русского танцовщика Нижинского...

— Без чего не может состояться актер?

— Без случая. Можно до бесконечности говорить о таланте, способностях, каждодневном труде и работе над собой, но главную роль по-прежнему играет Ее Величество Удача. Мне, например, повезло, а сколько талантливых артистов играют в провинциальных театрах, где их не знает никто, кроме жителей города N?..

Мне повезло — попал в Театр Армии, потом в Театр Моссовета, сейчас вот сыграл Нижинского в спектакле Житинкина — говорят, что роль получилась. И все же я отлично понимаю, что дело не только во мне, но и в прихотях актерской судьбы. Не улыбнись она мне много лет назад, сейчас об Александре Домогоарове никто бы не знал...

— Ты представляешь редкое в наше оскудевшее настоящими мужчинами время амплу — в театре XIX века тебя называли бы «героем-любовником»...

— Спасибо на добром слове. Но мне гораздо приятнее ощущать себя романтическим героем. Мой любимый фильм — «Маска Зорро» с Антонио Бандерасом, и больше всего на свете я хотел бы сняться в такой ленте. Как было бы славно сыграть в костюмной, трюковой сказке для взрослых — лошади, плащи, клинки и обязательная победа добра в финале! Я бы все отдал за возможность пожить в этой атмосфере 6—8 съемочных месяцев.

— На кого из коллег по сцене тебе хотелось бы походить?

— На тех, кто давно с нее ушел. Мои кумиры — Грибов, Яншин, Марецкая, в сегодняшнем театре им нет равных. Мы и в подметки не годимся нашим предшественникам, сегодняшний русский театр — лишь бледное отражение своего прошлого. И все же я работаю в счастливой профессии — тот, кто, стоя на сцене, не слышал, как молчит затаивший дыхание зрительный зал, не знает всей полноты жизни. В конце концов люди идут в театр на актеров. Надеюсь, что кто-то хочет посмотреть и на Домогоарова...

— Кого ты можешь назвать «своим» режиссером?

— Огромное впечатление оставила работа с Ежи Гофманом. Я снимался в его фильме «Огнем и

ТАРИСА КАМЫШЕВА

Александр Домогоаров

мечом», и это было настоящим счастьем. Замечательно, когда актер и режиссер находят в работе общий смысл — тогда и жизнь начинает казаться осмысленной.

За все надо платить: на съемках в Польше я чуть было не утонул. После картины «Огнем и мечом» я снимался в фильме Магды Лазаркевич «На конец света». По сценарию трое действующих лиц оказываются в реке — подвесной мост, три с половиной метра глубины плюс полметра тины. Уже смеркалось, и страховавшие нас водолазы ничего не могли разглядеть в мутной воде — им приходилось ориентироваться по ботинкам. Мы попросили их присмотреть за девушкой, которая не умела плавать. Но спасать в результате пришлось меня.

— Чего бы ты хотел?

— Сыграть Гамлета. Я понимаю, что это звучит нагло — Домогоаров хочет сыграть такую роль после Смоктуновского, Миронова, Райкина... Но мне кажется, что и я могу сказать в ней что-то свое, то, что будет интересно сегодняшнему зрителю. Я был бы очень консервативным Гамлетом — и «косухи» с «банданой» в этой роли не надел бы ни за что на свете.

Бог весть, сбудется ли когда-нибудь моя мечта, но я уверен в одном: страсти у Домогоарова — Гамлета были бы настоящие.

Элина БОГАЛЕЙША